

История психологии

Майя Бабкова, Анна Щербакова

ТРАКТАТ ФОМЫ АКВИНСКОГО «DE NATURA VERBI INTELLECTUS»*

Трактат – учение о
природе внутрен-
него слова

Трактат Фомы Аквинского «De natura verbi intellectus» («О природе слова интеллекта») представляет собой небольшой по объему текст, где философ рассуждает о природе внутреннего слова, «без которого не постигается образ Троицы, выраженный в человеке», и затрагивает проблемы, связанные с мышлением и речью, процессом образования слов в человеческом сознании. Трактат «О природе слова интеллекта» – одно из поздних произведений Аквината. Некоторые исследователи считают его компиляцией из более ранних работ Фомы [1], но, несмотря на некоторую неясность, тексту присуща внутренняя целостность и стройность, не характерная для собрания фрагментов**. К тому же, отдельные положения данного трактата не удается найти в других сочинениях философа. Все это свидетельствует о том, что Фома Аквинский счел нужным прояснить вопрос о природе внутреннего слова и посвятить данной проблеме отдельную работу.

* Авторы благодарят к.философ.н. В.В. Глебкина за многочисленные консультации по переводу.

** В последние годы появилась тенденция относить данное сочинение к dubia и приписывать его одному из ближайших последователей Фомы Аквинского Фоме из Саттона. Разумеется, данный факт нисколько не уменьшает его значимости и прямой связи с идеями Аквината.

Корни средневекового учения о внутреннем слове в античной философии

Учение о внутреннем слове получило наибольшее развитие в средневековой философии мышления. Некоторые исследователи полагают, что оно уходит своими корнями еще в античность. Несмотря на то, что утверждение о появлении концепции внутреннего слова у греческих философов представляется весьма спорным, их воззрения безусловно заслуживают внимания, хотя бы потому, что все средневековые авторы (и Фома Аквинский в их числе) постоянно на них ссылаются. Нам представляется целесообразным, не вдаваясь в подробности, кратко обрисовать схему процесса мышления, описанную Аристотелем как автором, оказавшим огромное влияние на Аквината. Когда человек мыслит, он воспринимает формы предметов и «мыслит формы в образах». Однако статус ума в воззрениях Аристотеля до сих пор не определен. С одной стороны, в трактате «О душе» есть такое высказывание: «Поэтому правы те, кто говорит, что душа есть местонахождение форм, с той оговоркой, что не вся душа, а мыслящая часть, и имеет формы не в действительности, а в возможности» [2]. С другой стороны, Аристотель разделяет претерпевающий ум и ум деятельный, который отнюдь не является частью души. Если первый, подобно восковой табличке, принимает и содержит отпечаток формы мыслимого предмета, то второй, подобно свету, благодаря которому можно различать цвета, активно действует и иницирует мышление. Именно отпечаток, образ мы и мыслим, формируя на его основе свое представление о предмете, а это представление, которое, соединяясь с голосом, превращается в слово, соответствует внутреннему слову Фомы Аквинского.

Стоики учили, что в человеке заложен некий «семенной логос», который под влиянием опыта развивается в понятия и общие представления. Они позволяют человеку жить в согласии с самим собой, а облекаясь в звуковые формы, становятся красноречием. Плутарх говорил о противопоставлении внутреннего и внешнего логосов, а Плотин различал целых три вида слова-логоса: речь Ума, речь Души и ее отображение в звуках. В сочинениях Блаженного Августина концепция внутреннего слова связана с идеей божественного присутствия Троицы в человеке. Познание возможно благодаря свету божественного разума, который непрестанно эманурует в человеческую душу и позволяет постигнуть сущность окружающих объектов. Результат познания в уме содержит в себе отблеск высшего любящего сияния. Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно определения внутреннего слова, как его понимал

Августин. И.В. Попов выделяет четыре «случая употребления» этого понятия: образ вещи, когда-то воспринятый, находящийся в центре внимания; образ вещи, не воспринятый с помощью чувств, например, Александрия, где Августин ни разу не был; мысль, созерцаемая в данный момент в неизменяемой Премудрости; все познанное, выраженное в определении [3]. В комментариях будут рассмотрены аллюзии Аквината на Августина в конкретных текстовых фрагментах.

Фома Аквинский – автор оригинального учения о мышлении и внутреннем слове

Фома Аквинский стал первым философом зрелого средневековья, разработавшим собственное учение о процессе мышления вообще и о внутреннем слове в частности. Он упоминает о нем во многих своих сочинениях («На Евангелие от Иоанна», «На IV книгу Сентенций», «Сумма против язычников», «Об истине» и др.) и подробно описывает процесс его рождения в трактате «О природе слова интеллекта». В нем можно выделить две идеи, которые автор проводит сквозь весь текст.

Различение божественного и человеческого интеллекта

Первая мысль, на которой акцентирует внимание читателей Фома Аквинский, – различие между божественным и человеческим интеллектом. Если высший разум самодостаточен и совершенен, то наш обладает многими недостатками. Божественный интеллект един: в нем память, хранящая образы объектов, сама же и работает с ними, и здесь же рождаются имена для этих объектов. Действие не разворачивается во времени по стадиям, а происходит моментально, и порожденные таким образом слова не отличаются от породившего их ума, подобно тому как едины Бог Отец и порожденный им Бог Сын. Слово Бога по своей сути не отличается и от называемой им вещи, т.е. полностью выражает ее природу. В конце трактата Фома утверждает даже, что Бог одним словом описывает и выражает весь мир. Человеческий интеллект разделен на «отделы», а процесс рождения слова состоит из нескольких этапов. Для создания человеческого слова интеллект забирает из памяти некий фантазм и, воздействуя на него, придает ему «совершенный смысл слова» (*perfecta ratio verbi*), чтобы он выражал суть называемой вещи. Фантазм сам по себе им не обладает, так как человеческая память – всего лишь хранилище информации о мире, а никакой обработки данных в ней не происходит. Если в божественном интеллекте соблюдается триединство творения, хранения и воздействия на образы, то у нас интеллект побуждается к действию интеллигибельной формой (*species intelligibilis*) внешнего объекта.

Понятие «species»

Здесь мы сталкиваемся с понятием «species», которое занимает в трактате очень важное место. Его можно перевести как «вид» (вещи), но его смысл этим не исчерпывается. Напрашиваются также аналогии с аристотелевской «формой», но опять-таки полного соответствия между данными категориями нет. В «De Trinitate» Августин говорит о «species corporis». Она стоит на низшей ступени процесса познания и предшествует чувственному восприятию. Автор выделяет четыре уровня species: та самая первичная, которая различается, восходит к следующей, которая присутствует в различающем чувстве, третья хранится в памяти, а от нее образуется та, которая попадает в фокус сознания и мыслится [4]. В целом Августин считает важнейшими для мышления три категории: species, воспринимаемую человеком, ее образ (imago), запечатленный с помощью чувств, и волю души, направляющую чувственное восприятие к воспринимаемому [5].

Соотношение понятия «species» со словом интеллекта

В переведенном трактате Фомы Аквинского с понятием «species» связана вторая идея, последовательно проводимая Аквинатом на протяжении всего трактата, — соотношение этой категории со словом интеллекта. Пробужденный интеллект воздействует на объект, а пределом (в математическом смысле слова) его действия становится слово — «чтойность» воспринятой внешней вещи. Species же существует как бы в двух аспектах: как нечто, выражающее сущность объекта (и тогда она совпадает с формой Аристотеля), или как интеллектуальный образ, направленный от вещи к разуму. В зависимости от контекста эта категория переводится как «форма», или ей соответствует калька «интеллигибельная форма». С одной стороны, и слово интеллекта, и интеллигибельная форма выражают сущность называемого, и в этом они похожи. С другой стороны, первое представляет собой результат мыслительного процесса, то, с чем впоследствии работает человеческий интеллект. Второе же находится у самых истоков этого процесса и является средством воздействия интеллекта на образ при создании слова. Полученный с помощью чувственного познания фантазм, хранящийся в памяти, становится интеллигибельной формой, когда интеллект очищает его от индивидуальных характеристик материи [6]. В трактате «О природе слова интеллекта» прослеживается та же самая схема, но не вполне понятно, как протекает процесс познания на первоначальном этапе.

Учение о мышлении и речи Фомы Аквинского – предтеча работ Ж. Пиаже и Л.С. Выготского

Проблема соотношения мышления и речи занимает важное место в психологии. Особое значение ей придавали выдающиеся психологи XX века Ж. Пиаже и Л.С. Выготский. После прочтения трактата Фомы Аквинского становится ясно, что их концепции внутренней речи имеют богатую предшествующую традицию и их нельзя считать вытекающими только из непосредственных наблюдений, из экспериментальной деятельности психологов. Конечно, вопрос о соотношении этой традиции и их идей требует отдельного скрупулезного исследования.

---

1. *Нестик Т.А.* Понятие внутреннего слова в средневековой философии мышления // Знание и традиция в истории мировой философии. М., 2001. С. 81.

2. *Аристотель.* О душе // Аристотель. Собр.соч.: В 4 т. М., 1976. Т.1. Кн. 1. Гл. 1. С. 374.

3. *Попов В.И.* Личность и учение блаженного Августина. Сергиев Посад, 1916. С. 261–262.

4. *Aug. De Trin.* 9, 16.

5. Там же. 9, 12.

6. См.: *Peifer J.F.* The Concept of Thomism, N.-Y., 1952.